

Как бы то ни было, брачный маньяк вновь-здорово собирается жениться, и герцог Глостер Август не может не оказать ему почтения.

У Августа не покидало чувство, будто время обратилось вспять и всё повторилось: та поездка в Лондон казалась сном, миражом, призраком, и лишь теперь начиналось настоящее путешествие.

Даже реплика старого дворецкого звучала неизменно:

— Посланник короля скоро будет здесь.

— ... — Опять?! Август не сдавался. Хотя он на девяносто девять процентов был уверен в ответе, в нём теплилась наивная надежда «а вдруг?». — Хах, на этот раз уж точно не Йер, верно? Он же человек занятой.

Старый дворецкий с грустью подтвердил:

— Он.

— ... А притвориться больным?

— Нельзя.

Диалог был до боли знакомым. Месяцы трудов — и вот ты снова у разбитого корыта. Что суждено, того не миновать.

Сперва Август изрядно нервничал, но, осознав, что ему не совладать с этим психом, да и тот уже у самых ворот бристольского замка, он внезапно успокоился. Похоже на то, как за минуту до экзамена понимаешь, что уже ничего не изменить, и остаётся лишь смириться и идти вперёд с улыбкой. В конце концов... другого выхода у него не было.

Что ж, пусть мстит! Он готов!

Налево напишем: «Ветер пусть дует с любой стороны», направо: «Я — грязь, что лёг на дно», а сверху: «Лишь бы ты был доволен».

Так Август утешал себя, хотя давно должен был это понять. Согрешил — неси ответ, не хитри. Вина есть вина — он признаёт, кается, заглаживает. А уж если что стрясётся, то...

Но едва он увидел усмешку Рафаэля, как ноги его вновь подкосились, и даже внутренний монолог стал спотыкаться.

Рафаэль же вёл себя так, будто ничего не случилось. Он подошёл, обнял Августа, вдохнул его неизменный сладковатый, молочный запах, прикоснулся щекой к нежной щёчке и даже сообщил, что привёз подарок из Лондона.

— Надеюсь, тебе понравится.

— Я... постараюсь. — Даже если не понравится, он заставит себя полюбить!

— Я скучал по тебе. А ты? — с улыбкой спросил Рафаэль. Он усадил Августа к себе на колени, словно они и не расставались, словно всё ещё были столь же близки, как в Лондоне.

Мог ли Август в такой момент ответить что-то, кроме «Скучал»?

Конечно, мог.

— Очень.

Вот видишь, это же не просто «Скучал».

— Умница. — Рафаэль улыбнулся и погладил Августа по голове. — На руках полегчал. Хорошо учился?

— ... — Какая связь между учёбой и весом? Я просто есть не мог от страха!

Рафаэль сменил тему:

— Что на ужин?

— Китайское. — Август уже махнул на всё рукой. Будь что будет, он вольнолюбивый дух, обожающий китайскую кухню, и нанял аж трёх поваров!

— Рад, что помнишь, что я люблю.

Август: Чую, в этих словах скрыта едкая насмешка.

Но в конце концов дядя и племянник отменно поужинали. Август наелся так, что почувствовал трагизм «Тайной вечери». На своём конце стола он со слезами на глазах уплетал любимые свиные отбивные в кисло-сладком соусе. Прощай, мясо.

За трапезой Рафаэль спросил:

— А почему сегодня без сопровождения хора?

Август, лихо орудуя палочками, пытался впихнуть в себя как можно больше, но, услышав вопрос, невольно поднял голову.

— ... Ты что, в курсе всех моих дел?

— Да. — Рафаэль дошёл до того, что даже не пытался скрывать свою жажду контроля. Он уже наизусть знал все привычки и распорядок Августа.

Август понял, что пора встретить реальность лицом к лицу, и заявил сурово:

— После ужина нам нужно поговорить.

— Какое совпадение, я тоже так думал. — Рафаэль по-прежнему улыбался.

Перед ужином ничто не важно.

Наевшись до отвала, Август возомнил, будто обладает невероятным потенциалом. В смысле, если он смог столько вместить, неужели он испугается какого-то Рафаэля?

Да, испугается.

В кабинете, заставленном книгами в кожаном переплёте, слышался лишь треск поленьев в камине. Август, с видом провинившегося школьника, стоял, понуро опустив голову, перед массивным деревянным столом. Его золотистые волосы казались безжизненными.

Рафаэль, заняв хозяйское кресло, спросил:

— Понял, в чём провинился?

— Понял.

— В чём именно?

— ... — Август с детства ненавидел такие вопросы — назойливые, да ещё и вынуждающие сознаться в большем, чем нужно. Но перед Рафаэлем он мог лишь покорно отвечать:

— Не должен был от тебя скрывать. Надо было сразу всё объяснить при первой встрече. Ну, типа: «Привет, я, э-э-э... ты в курсе».

Рафаэль, сложив руки и подперев подбородок, с интересом перешёл к сути:

— Как твоё настоящее имя?

— Меня и зовут Август. — Август был полукровкой, англичанином с китайскими корнями. Английское имя для него подбирала мать, перебравшая за несколько веков истории Британии едва ли не всех римских императоров, пока не нашла имя, исполненное благородных чаяний, — она желала, чтобы сын её родился под счастливой звездой.

Рафаэль кивнул — вид у него был более бывалый, чем у Августа.

— Когда появился здесь?

— С рождения. Просто первые семь лет памяти не было. — Это всегда был он.

Рафаэль остался доволен. Видимо, благодаря хорошему поведению Августа, он не стал его допекать, а вместо этого завёл спокойный, почти мирный разговор. Узнав всё необходимое, он отпустил мальчика спать:

— Полноценный сон — лучший друг роста.

И это всё?

Август ни за что не верил. Чутьё подсказывало, что у Рафаэля припасена ещё какая-то дьявольская штука.

— Я не хотел говорить об этом так скоро. — Рафаэль вздохнул, глубоко взглянув на Августа. — По-твоему, сколько времени мы общаемся?

— Месяцев десять-двенадцать. — Чуть больше года.

— В моём времени прошли годы. — Рафаэль пристально смотрел на Августа, и в его дымчато-серых глазах таилась невысказанная эмоция. — Ты был рядом всё моё детство, отрочество, до самой зрелости. Твой месяц для меня был годом. Если бы не это перемещение, тебе не пришлось бы долго возиться со мной, чтобы прожить всю мою жизнь.

Для Августа это был миг, для Рафаэля — целая жизнь.

— Как так? — На этот раз Август был по-настоящему потрясён. Хотя он и допускал, что время в двух мирах может течь по-разному, но столь чудовищный разрыв не приходил ему в голову.

Для него — мгновенный ответ, для Рафаэля — долгие дни и ночи в ожидании.

Хотя, погодите, если так считать, временная ось запутается. Август прожил здесь восемь лет, а девятнадцатилетний Рафаэль говорит об общении длиною в более чем десять лет.

Август вдруг сообразил: это можно объяснить. Как и в некоторых теориях времени, время — не прямая линия, а плоскость. Временные точки не противоречат друг другу, они могут сосуществовать. Или же можно понять так: первые семь лет Август был «пуст», потому что перенеслась лишь часть его души. На восьмом году он перенёсся полностью, пробудились воспоминания, и Рафаэль наконец получил то последнее сообщение, что пересекло поток времени.

— То, что ты говорил, и вправду было не слишком приятно, но это было единственное нормальное общение в моём детстве, — добавил Рафаэль.

<http://bllate.org/book/15929/1423994>